

Диакон Николай Борисов

Образовательный уровень приходского духовенства Российской империи во второй половине XIX — начале XX века (на примере Черниговской епархии)

УДК 271.2-725-9

DOI 10.47132/1814-5574_2023_2_254

EDN YRPMIM

Аннотация: Образование будущих священно- и церковнослужителей — тема, которая будет актуальной во все времена. От его уровня зависит, займет ли священник место духовного лидера, ведущего паству к спасению, или сам останется ведомым различными предрассудками и суевериями. Это справедливо и по отношению к духовенству Российской империи в последние полвека ее существования, тем более что тогда грамотность и образованность были необходимы священнику или псаломщику и для ведения приходской документации, которая была достаточно обширной. Особенно это касалось сельской местности, так как большая часть приходов (по причине того, что большинство населения империи — крестьянство) находилась в селах, деревнях и местечках. В данной статье на примере приходского духовенства Черниговской епархии во 2-й пол. XIX — нач. XX в. производится попытка проследить уровень образованности членов духовного сословия, прежде всего сельского духовенства, которое составляло подавляющее большинство священно- и церковнослужителей Русской Церкви в данный период.

Ключевые слова: Российская империя, Русская Православная Церковь, приход, духовенство, штат прихода, священнослужители, образование, епископ Варлаам (Денисов), священномученик Василий (Богоявленский), Черниговская епархия.

Об авторе: **Диакон Николай Юрьевич Борисов**

Магистр теологии, аспирант Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: nikolai.borisovnikolay@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4198-3456>

Для цитирования: Борисов Н., диак. Образовательный уровень приходского духовенства Российской империи во второй половине XIX — начале XX века (на примере Черниговской епархии) // Христианское чтение. 2023. № 2. С. 254–261.

Статья поступила в редакцию 01.11.2022; одобрена после рецензирования 07.12.2022; принята к публикации 23.12.2022.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2023

Deacon Nikolay Borisov

The Educational Level of the Parish Clergy in the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Century (on the Example of the Chernigov Diocese)

UDK 271.2-725-9

DOI 10.47132/1814-5574_2023_2_254

EDN YRPMIM

Abstract: The education of future priests and clergy is a topic that will be relevant at all times. It depends on his level whether the priest will take the place of a spiritual leader leading the parishioners to salvation, or he himself will remain guided by various prejudices and superstitions. This can also be attributed to the clergy of the Russian Empire in the last half century of its existence, especially since then literacy and education were necessary for a priest or a psalmist and for maintaining parish documentation, which was quite extensive. This was especially true in rural areas, since most of the parishes (due to the fact that the majority of the population of the empire were peasants) were located in villages, villages and towns. In this essay, using the example of the parish clergy of the Chernigov diocese in the second half of the 19th – early 20th century, I attempt to trace the education of members of the clergy, primarily rural clergy, who made up the vast majority of the clergymen and churchman of the Russian Church in this period.

Keywords: Russian Empire, Russian Orthodox Church, parish, clergy, parish staff, clergymen, education, archishop Varlaam (Denisov), Holy Martyr Vasily (Bogoyavlensky), Chernigov diocese.

About the author: **Deacon Nikolai Yurievich Borisov**

Master of Theology, postgraduate student at the St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: nikolai.borisovnikolay@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4198-3456>

For citation: Borisov N., deacon. The Educational Level of the Parish Clergy in the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Century (on the Example of the Chernigov Diocese). *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 2, pp. 254–261.

The article was submitted 01.11.2022; approved after reviewing 07.12.2022; accepted for publication 23.12.2022.

В Российской империи образовательный уровень имел для духовенства большое значение. Прежде всего это касалось рукоположения. Конечно, редакции Устава духовных консисторий 1841 и 1883 гг. отдавали дело на непосредственное рассмотрение правящего архиерея, с припиской, что он сам «удостоверяется в достоинстве ищущего посвящения» (ПСЗРИ, II, т. 16, ч. 1, 231; ПСЗРИ, III, т. 3, 120). Но с 1869 г. под этой формулировкой подразумевается и необходимость получения духовного образования для назначения даже на причетническое место. Связано это с введением порядка постепенности при поставлении на различные должности в церковном причте. В положении Присутствия по делам православного духовенства «О составе приходов и церковных причтов» об этом говорилось следующее: «На места младших священников... назначать только прослуживших некоторое время в звании псаломщиков или диаконов, на вакансии псаломщиков, из окончивших курс в семинарии, или же которые по окончании сего курса пробыли не менее трех лет учителями в начальных школах» (ПСЗРИ, II, т. 44, ч. 1, 323–324). То есть псаломщиком или диаконом по правилам мог стать только человек, окончивший полный курс семинарии.

Вдобавок нужно было соблюсти возрастной ценз (25 лет — для диакона, 30 лет — для священника), который не действовал лишь в случае с завершившими богословское обучение в духовной академии и получившими ученые степени, а также с теми, кто, выйдя из семинарии по окончании последнего класса, прослужил в должности наставника в духовно-учебном заведении не менее трех лет (ПСЗРИ, II, т. 44, ч. 1, 324).

Таким образом, вводился образовательный ценз, без соответствия которому не представлялось возможным войти в состав причта любой церкви. Конечно, в данном вопросе существовало некоторое противоречие: несмотря на такую строгость, нельзя было уйти от проблемы нехватки священно- и церковнослужителей в епархиях. Неслучайно в ситуациях нехватки обеими редакциями Устава разрешалось принимать в духовное звание из других сословий (сословий) по удостоверении в соответствии поведения и образования кандидатов будущему служению (ПСЗРИ, II, т. 16, ч. 1, 231; ПСЗРИ, III, т. 3, 121). Следует обратить внимание на то, что у кандидатов отсутствовало семинарское образование. Правда, у них была возможность восполнить эту нехватку, прослушав курс богословских наук в семинарии или училище, доступ в общеобразовательные классы которых уже во 2-й пол. 1860-х гг. был открыт для представителей всех сословий (Извлечение за 1867 г., 99). То есть даже в подобных случаях подразумевалось получение духовного образования.

Кроме того, косвенно на рукоположение кандидата без духовного образования указывал п. 274 в 9-м томе Свода законов Российской империи издания 1857 г., где говорилось: «Из детей, оставшихся при отцах без отдачи в училища, а равно из исключенных из училищ... за распределением из них способных в причетнические и служительские, при Духовных Консисториях и Правлениях, и другие должности, излишние или неспособные увольняются по их просьбам из духовного в гражданское ведомство» (Свод законов, 1857, т. 9, 62). То есть причетником мог стать и человек, не только не окончивший семинарии, но даже отчисленный из духовного училища.

В результате изданное через 12 лет и приводимое ранее положение «О составе приходов и церковных причтов» противоречило приведенному пункту закона о состояниях, хотя два данных акта сосуществовали. Конечно, акт 1869 г. подразумевал дефицит кадров, потому в нем указывалось на возможность стать исправляющим должность псаломщика (не псаломщиком) без полного семинарского образования (ПСЗРИ, II, т. 44, ч. 1, 324). Как будет видно, проблема заключалась в том, что нехватка в ряде епархий была столь катастрофической, что большая часть церковнослужителей имела второе, а не первое звание. Потому при соотношении законодательных актов следует заключить, что образовательный ценз мог не соблюдаться: все зависело от того, каким законом при проверке кандидата руководствуется правящий архиерей.

На столь противоречивой базе данный вопрос развивался и в Черниговской епархии. Образовательный уровень приходского духовенства в данном регионе во 2-й пол. XIX — нач. XX в. не был стабильным. Кроме противоречий в законодательстве

на ситуацию сильно влияли изменения штатов храмов, отношение выпускников духовных учебных заведений к священническому служению. На основании этого происходили перемены и в области образовательного уровня священно-, церковно-служителей. Таким образом, целый ряд факторов делал картину весьма неоднородной.

Что касается уровня образования духовенства, то следует отметить, что в начале рассматриваемого периода он был вполне удовлетворительным. В 1866 г., по сообщению епархиального преосвященного, почти все священники были из окончивших семинарский курс (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 255. Л. 5 об.). Неплохая статистика для провинциальной епархии, в которой на тот момент служило 1027 священников (Извлечение за 1867 г., Приложения, 18). Кроме того, в епархии находилось 277 диаконов (Извлечение за 1867 г., Приложения, 19), образование которых архиеп. Варлаамом (Денисовым) оценивалось как посредственное (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 255. Л. 6). «Посредственным» архиерей называл неоконченное семинарское образование или же образование, полученное в духовном училище (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 405. Л. 31). В данном случае с уверенностью можно предположить, что все священнослужители имели образование на уровне духовного училища и первых классов семинарии, не говоря о том, что подавляющее большинство священников закончило полный семинарский курс. Духовенство же с полным академическим образованием, как и в любой другой провинциальной епархии, встречается в Чернигове крайне редко: все такие клирики относились к преподавательскому составу местной семинарии и других учебных заведений епархии (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 405. Л. 30 об.).

Что касается псаломщиков, то их образование находилось на весьма низком уровне. Архиепископ Варлаам пишет об этом так: «Состояние же просвещения церковнослужителей неудовлетворительно, оттого что здесь весьма многие причетники не обучались в духовных училищах, по неимению средств к содержанию себя в оных» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 255. Л. 6). Ситуация не менялась даже после узаконения принципа постепенности, ведь для этого требовалось время. В 1870 г. Черниговский архиерей хвалил псаломщиков за то, что, несмотря на отсутствие семинарского образования, они хорошо начитаны и обладают достойным знанием церковных книг (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 405. Л. 31 об.). То есть этого было вполне достаточно для занятия данной должности, хотя преосвященным и замечается некоторое несоответствие реального положения дел и требований законодательства. Выражается оно прежде всего в отчетных сведениях о назначенных на места псаломщиков лицах, получивших полное семинарское образование. Таковых в 1870 г. было всего шесть человек, причем один из них ушел служить в западные епархии (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 405. Л. 32).

Для сравнения, в Черниговской епархии в 1870 г. служило 1710 причетников, хотя по штату наличествовало 1844 псаломщических места (Извлечение за 1871 г., Приложения, 20–21). То есть принципу постепенности, прописанному в Положении 1869 г., с подобными темпами назначения образованных кадров невозможно было следовать. Возможно, это зависело еще и от того, что содержание церковнослужителей было весьма скудным, а обучение в духовной школе в течение шести лет предполагало лучшую долю для выпускников.

Хотя следует отметить, что даже получившие семинарское образование не были одного уровня. Если говорить об образованности каждого из членов епархиального ведомства, то его можно проследить по семинарским сессионным ведомостям, публиковавшимся в «Черниговских епархиальных известиях»: были и отличники, были и хорошисты, были и те, у кого «душа не лежала к богословским наукам».

Как уже было указано, общая картина была такой же неоднородной. Особенно это стало заметно к середине 70-х гг. По причине скудного содержания духовенства увеличился дефицит кадров. Конечно, вопрос с диаконами был решен благодаря Положению 1869 г. Так, сократилось число мест диаконов, каковых в 1874 г. было 168 (Извлечение за 1875 г., Приложения, 21), а к 1885 г. — 18 (Отчет за 1886 г., Приложения, 21). Конечно, часть оставшихся диаконов содержалась прихожанами на отдельно жертвуемые ими суммы (в 1885 г. так содержалось 119 диаконов (Отчет за 1886 г., Приложения,

20)), а часть за неимением такой возможности уходила на причетнические места. При таком сокращении отпадал вопрос о поставлении необразованных диаконов.

Священнические места обеспечивались более-менее нормально, хотя нехватка кандидатов на них к 1885 г. достигала 13 человек (Отчет за 1886 г., Приложения, 21). Все же такое положение не представлялось критичным. Возможно, на отсутствие кризиса в данной области влиял «старый запас»: в священники рукополагали прослуживших некоторое время псаломщиков. Гораздо хуже дело обстояло с псаломщическими местами, так как по причине упоминаемого ценза 1869 г. число таковых уменьшалось: часть псаломщиков рукополагали, а новых кандидатов было невозможно найти. Содержание церковнослужителей было намного хуже, чем у священников. По этой причине выпускники семинарии старались определиться с местом своей службы в епархиальном или любом другом гражданском ведомстве, лишь бы не попадать на незавидную псаломщическую должность. В 1874 г. было 8 псаломщиков, окончивших семинарский курс, и по необходимости пополнения священнических кадров 5 из них было рукоположено во священники (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 612. Л. 6 об.). Всего в епархии к тому времени было 1496 причетников на 1849 мест (Извлечение за 1875 г., Приложения, 20–21). То есть 353 места оставались пустующими, а образовательный уровень занимавших остальные был весьма низким.

Начала проявляться проблема с образованием и в среде священнослужителей. К 1878 г. из них полный семинарский курс не окончило 40 человек (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 821. Л. 18 об.). Через семь лет это число увеличилось почти вдвое и составило 78 священнослужителей (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1114. Л. 8).

В результате к 1885 г. ситуация в епархии выглядела следующим образом: из 981 священника и 137 диаконов 8 имели академическое образование, 1030 — семинарское, 78 — «посредственное», то есть более низкое (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1114. Л. 8–8 об.; Отчет за 1886 г., Приложения, 20–21). При этом всего два из 1180 псаломщиков имели оконченное семинарское образование (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1114. Л. 8 об.). Таким образом, были видны предпосылки кризиса не только в среде церковнослужителей, но и среди священников. Не зря еп. Вениамин (Быковский), занимавший в то время Черниговскую кафедру, решил ввести дополнительные экзамены для ищущих сана из не окончивших полного курса семинарского образования, а также для желающих рукоположиться в сан диакона или занять псаломщические места без удовлетворительного свидетельства об их обучении от начальств духовно-учебных заведений (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1114. Л. 8 об.). Вызвано это было и развитием сети церковно-приходских школ после занятия должности обер-прокурора К. П. Победоносцевым. При увеличении их числа появлялась необходимость в увеличении числа учителей, которыми мыслились рукоположенные в священный сан. При упомянутых ставленнических экзаменах еп. Вениамин большое внимание уделял именно способности законоучительствовать в начальных школах, прежде всего в церковно-приходских (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1114. Л. 8 об.).

Положение дел за прошедшие 16 лет приняло следующий характер: образованные церковнослужители кроме церковного служения занимали должность учителя народных училищ в течение трех лет, после чаще всего рукополагались епархиальным руководством во священники (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 717. Л. 20 об.). Последнее предотвращало дефицит священнослужителей в епархии. Но церковнослужителей с образованием становилось все меньше, поэтому данный источник пополнения священнических кадров исчерпывал себя.

Здесь следует отметить, что епархиальное руководство, заботясь об образовании местного духовенства, не видело проблемы в таком количестве плохо образованных священнослужителей, а вернее, считало это приемлемым в условиях данной епархии. Так, еще в 1882 г. еп. Вениамин (Быковский) писал, что, по отзывам благочинных и по его личным наблюдениям, уровень умственного развития духовенства вполне достаточен для среды, в которое оно поставлено для пастырской деятельности (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 987. Л. 12 об.). То есть можно сказать, что такая картина

представлялась приемлемой, хотя оценивалась не очень хорошо. В данном случае следует констатировать нормальное состояние только в контексте ситуации.

Академическое же образование в Черниговской епархии имели единицы. В 1878 г. его имело семь священнослужителей (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 821. Л. 18 об.). К 1885 г., как упоминалось ранее, их число составило восемь человек. В 1893 г. произошел положительный сдвиг: в епархии было уже 12 человек, окончивших духовную академию (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1487. Л. 15), но уже через два года число таковых снова уменьшилось и составило девять священников (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1601. Л. 24 об.). К 1905 г. эта цифра увеличилась до 17 выпускников академии (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2129. Л. 23 об.). К 1914 г. их было снова всего девять человек (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2682. Л. 20 об.). В данном случае можно сделать следующий вывод: несмотря на изменения в числе священнослужителей Черниговской епархии, имеющих академическое образование, от 7 до 17 человек (более чем в два раза), речь шла об 1–2% (если брать все духовство, то менее 1%), которые относились к городскому духовенству. Интересным представляется факт, что такие священники редко занимали различные должности в Черниговской духовной семинарии. Например, в 1910 г. таковых было только двое (Отчет за 1911–1912 гг., Приложения, 110), а к 1914 г. в ней не осталось ни одного представителя белого духовенства, преподающего или занимающего административную должность (Отчет за 1914 г., Приложения, 66).

Следует отметить, что данные цифры не подлежат критике, так как в провинциальной епархии большому числу духовенства с академическим образованием просто не хватило бы работы, соответствующей их высокой квалификации.

Возвращаясь к вопросу о дефиците кадров в Черниговской епархии, следует отметить, что он постепенно рос. Это отразилось и в отчетах епархиальных преосвященных, где с 1894 г. указывалось точное число классов (теперь было шесть годичных классов вместо трех двухгодичных), которые окончили священнослужители. В то время в Черниговской епархии из 1023 священников и 105 диаконов восемь лиц окончили духовную академию, 855 — семинарию, 54 — 4 класса семинарии (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1543. Л. 25 об.; Отчет за 1894–1895 гг., Приложения, 94–95). То есть остальные 211 священнослужителей получили образование в первых классах семинарии, в училище или же вообще были без духовного образования. Уровень образования церковнослужителей по-прежнему оставался низким: из 1133 псаломщиков 12 окончили семинарский курс, шесть — 4 класса семинарии, а остальные были из низших духовных и светских учебных заведений либо же вообще с домашним образованием (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1543. Л. 25 об.; Отчет за 1894–1895 гг., Приложения, 95).

Стоит еще раз отметить, что духовенство должно было преподавать, а также заниматься обучением детей прихожан в церковно-приходских школах. Резонно было бы предположить, что уровень образования в таких учебных заведениях оставался весьма низким, уступающим уровню земских школ.

К 1905 г. из 1081 священника было уже 51 лицо с 4 классами образования и 120 — из обучавшихся в низших классах семинарии или духовных училищах. Не лучше дело обстояло и с диаконами: из 153 человек 34 обучались (не обязательно окончили) в духовной семинарии, 78 — в духовных училищах, учительских семинариях или приходских училищах, а 41 из них получил домашнее образование. Уровень образования псаломщиков остался на том же уровне: 12 лиц, окончивших семинарский курс, и 23 — учившихся в разных классах семинарии (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2129. Л. 23 об. — 24). Возникает вопрос: как могли плохо образованные священно- и церковнослужители вступать в полемику с разъезжающими по губернии агитаторами в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг.? Более того, ситуация ухудшилась к 1907 г., когда не только диаконы и псаломщики, но и 19 священников не имели даже школьного образования (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2252. Л. 30).

Необходимо также отметить, что в епархиальных отчетах за последние годы рассматриваемого периода появляются сведения и о священнослужителях со светским образованием, что может быть связано лишь с усилением ломки сословной системы

в Российской империи в начале XX в. Так, в 1914 г. один священник окончил высшее светское учебное заведение, два — средние светские учебные заведения (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2682. Л. 20 об.). Это было исключение, но сам факт отметки этого явления будущим сщмч. Василием (Богоявленским), который был тогда епископом Черниговским, безусловно, заслуживает внимания.

К началу Первой мировой войны епархиальный преосвященный приводил следующие цифры по состоянию образования духовенства вверенной ему епархии (список велся по градации значимости образования): из 1142 священников девять, как уже было сказано, имели академическое образование, один — университетское, 745 — полное семинарское, два — среднее (светское), 208 окончили 4 класса семинарии, 170 — низшие классы семинарии или духовное училище, семеро не получили образования (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2682. Л. 20 об.).

Число диаконов увеличилось, но уровень их образования снизился еще больше. Из 306 лиц лишь двое окончили полный семинарский курс, шестеро отучились в 4 или 5 классах семинарии, 178 находились на низших образовательных ступенях, а 120 получили домашнее образование (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2682. Л. 20 об.).

В случае с псаломщиками нельзя не заметить относительного прогресса: из 1062 человек трое окончили курс духовной академии, 23 — полный семинарский курс, 58 получили образование в высших и низших классах семинарии (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2682. Л. 20 об.). Остается только предполагать, чем вызвано такое улучшение: реальным стремлением кандидатов послужить Церкви или же нежеланием идти на фронт.

Общая ситуация с образованием духовенства в Черниговской епархии выглядела следующим образом: 30% священников, более 99% диаконов и 97,5% псаломщиков не окончили полного курса семинарского образования. Положительным моментом было то, что всего лишь 0,6% не обучались ни в каких учебных заведениях, хотя из диаконов таких лиц было более 39%, не говоря уже о псаломщиках, большинство из которых максимум учились в церковно-приходских школах, а то и вообще нигде не учились.

Не следует забывать о том, что и такое количество необразованного духовенства не полностью компенсировало недостаток священно- и церковнослужителей в епархии: по-прежнему оставались вакансии на различных, прежде всего бедных, приходах. С началом войны ситуация только ухудшилась, хотя регресс следует отнести к довоенному вектору увеличения числа неграмотных служителей.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: перед лицом войны и революционных потрясений, когда Российская Церковь нуждалась в умных и образованных священно- и церковнослужителях, ощущалась их острая нехватка. В частности, в Черниговской епархии, по общему подсчету, к 1914 г. лишь 0,5% приходского духовенства (протоиереев, священников, диаконов, псаломщиков) вышли из стен духовных академий, чуть более 30% окончили семинарию, меньше 10% имели 4-классное образование. Остальные же 60%, то есть больше половины, имели низшее образование, в лучшем случае — на уровне первых двух классов семинарии или духовного училища.

Духовенству с такой подготовкой сложно было отвечать на вызовы времени. Конечно, можно говорить, что священники восполняли недостаток образования самостоятельным чтением духовной литературы, что подчеркивали в своих отчетах некоторые черниговские преосвященные (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 914. Л. 7 об.). Но это выглядит весьма сомнительно, особенно по отношению к сельскому духовенству, которое было загружено семейными и прочими бытовыми заботами. Возможно, и были те, кто занимался самообразованием, но таких было крайне мало. В большей степени прилежание к самообразованию касалось городского духовенства.

В сложившейся ситуации приходилось возводить в причетники, а потом и рукополагать в священники кандидатов с неоконченным образованием или вообще без него.

Таким образом, недостаток в образованном духовенстве был налицо. Связано это было прежде всего с открывшейся возможностью выхода из духовного состояния для детей духовенства (через учебу в светских учебных заведениях, а затем и через устройство на государственную службу). Выбирая один из вариантов данного

пути, дети священно- и церковнослужителей обуславливали свое решение нежеланием повторять судьбу своих отцов, так как с малых лет были знакомы с жизненными трудностями людей своего сословия. Как результат, наблюдался отток способных и хорошо образованных представителей духовного сословия в светскую среду. Этот процесс только усилился в начале XX в., когда наметилась окончательная ломка сословного строя.

Нужно заметить, что как в начале, так и в конце рассматриваемого периода недостаток образования воспринимался как неприятное, но неизбежное явление, причем в тех условиях это считалось приемлемым. Даже к концу периода такой деятельный архиерей, как сщмч. Василий (Богоявленский), свидетельствовал: «Духовенство по своему... образовательному цензу вполне понимает потребности времени и духовные запросы своей паствы» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2620. Л. 101). Конечно, подобное утверждение звучит обнадеживающе, но — лишь в контексте всех тех недостатков, которые были порождены временем. Многие даже тогда понимали, что уровень образования нужно поднимать, но также и видели границы возможностей в данной области. Видимо, без кардинальных перемен этого было не достичь.

Источники и литература

1. Извлечение за 1867 г. — Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1867 г. Приложения. СПб.: Синодальная тип., 1868. 194 с.

2. Извлечение за 1867 г., Приложения — Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1867 г. Приложения. СПб.: Синодальная тип., 1868. 118 с.

3. Извлечение за 1871 г., Приложения — Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1871 г. Приложения. СПб.: Синодальная тип., 1872. 126 с.

4. Извлечение за 1875 г., Приложения — Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1875 г. Приложения. СПб.: Синодальная тип., 1876. 125 с.

5. Отчет за 1886 г., Приложения — Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1886 год. Приложения. СПб.: Синодальная тип., 1888. 129 с.

6. Отчет за 1894–1895 гг., Приложения — Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 годы. Приложения. СПб.: Синодальная тип., 1898. 159 с.

7. Отчет за 1911–1912 гг., Приложения — Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 годы. Приложения. СПб.: Синодальная тип., 1913. 231 с.

8. Отчет за 1914 г., Приложения — Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Приложения. Пг.: Синодальная тип., 1916. 145 с.

9. ПСЗРИ, II — Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: в 55 т. Т. 16. Отд. первое; Т. 44. Отд. первое. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1842, 1873.

10. ПСЗРИ, III — Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: в 33 т. Т. 3. Отд. первое. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1886. 501 с.

11. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 149. Д. 255, 405, 612, 717, 821, 914, 987, 1114, 1487, 1543, 1601, 2129, 2252, 2620, 2682.

12. Свод законов (1857) — Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Изд. 1857 г. Т. 9: Законы о состояниях. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. 478 + 88 с.